

0127-01	АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ	“Да кабы...”	Часть 1 “Спесь”
0127-02	АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ	“Да кабы...”	Часть 2 “Чужое горе”

ДА КАБЫ... (Коренблит – Толстой)

ЧАСТЬ 2 «ЧУЖОЕ ГОРЕ»

- 1(9). Гаральд и Ярославна - 6.52
 2(10). Три побоища - 9.15
 3(11). Ушкуйник - 1.14
 4(12). Чужое горе - 3.31
 5(13). Государь - 2.48
 6(14). Пантелей-целитель - 3.24
 7(15). Правда - 3.59
 8(16). Поток-богатырь - 14.50

Общее время звучания – 45.53

Общее время звучания – 96.29

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 2 «ЧУЖОЕ ГОРЕ»

1. ГАРАЛЬД И ЯРОСЛАВНА

Гаральд в боевое садится седло,
 Покинул он Киев державный,
 Вдыхает дорогою он тяжело:
 "Звезда ты моя, Ярославна!"

Надежд навсегда миновала пора!
 Твой слышал, княжна, приговор я!
 Узнают же вес моего топора
 От края до края поморья!

И Русь оставляет Гаральд за собой,
 Плывет он размыкивать горе
 Туда, где арабы с норманнами бой
 Ведут на земле и на море.

В Мессине он им показал свой напор,
 Он рубит их в битве неравной
 И громко взывает, подъемля топор:
 "Звезда ты моя, Ярославна!"

Дает себя знать он и грекам в бою,
 И Генуи выходцам вольным,
 Он на море бьется, ладья о ладью,
 Но мысль его в Киеве стольном.

Летает он по морю сизым орлом,
 Он чайкою в бурях пирует,
 Трещат корабли под его топором –
 По Киеву сердце тоскует.

Веселая то для дружины пора,
Гаральдовой славе нет равной -
Но в мысли спокойные воды Днепра,
Но в сердце княжна Ярославна.

Нет, видно, ему не забыть уж о ней,
Не вымучить счастья иного -
И круто он бег повернул кораблей
И к северу гонит их снова.

Он на берег вышел, он сел на коня,
Он в зелени едет дубравной -
"Полюбишь ли, девица, ныне меня,
Звезда ты моя, Ярославна?"

И в Киев он стольный въезжает, крестясь;
Там, гостя радушно встречая,
Выходит из терема ласковый князь,
А с ним и княжна молодая.

"Здорово, Гаральд! Расскажи, из какой
На Русь воротился ты дали?
Замешкался долго в земле ты чужой,
Давно мы тебя не видали!"

"Я, княже, уехал, любви не стяжав,
Уехал безвестный и бедный;
Но ныне к тебе, государь Ярослав,
Вернулся я в славе победной!"

Я город Мессину в разор разорил,
Разграбил поморье Царьграда,
Ладьи жемчугом по края нагрузил,
А тканей и мерить не надо!

Ко древним Афинам, как ворон, молва
Неслась пред ладьями моими,
На мраморной лапе пирейского льва
Мечом я насек мое имя!

Прибрежья, где черный мой стяг прошумел,
Сицилия, Понт и Эллада,
Вовек не забудут Гаральдовых дел,
Набегов Гаральда Гардрада!

Как вихорь обмел я окраины морей,
Нигде моей славе нет равной!
Согласна ли ныне назваться моей,

Звезда ты моя, Ярославна?"

В Норвегии праздник веселый идет:
Весною, при плеске народа,
В ту пору, как алый шиповник цветет,
Вернулся Гаральд из похода.

Цветами его корабли обвиты,
От сеч отдыхают варяги,
Червленые берег покрыли щиты,
И с черными вранами стяги.

В ладьях отовсюду к шатрам парчевым
Причалили вещи скальды
И славят на арфах, один за другим,
Возврат удалого Гаральда.

А сам он у моря, с веселым лицом,
В хламиде и в светлой короне,
Норвежским избранный от всех королем,
Сидит на возвышенном троне.

Отборных и гридней и отроков рой
Властителю служит уставно;
В царьградском наряде, в короне златой,
С ним рядом сидит Ярославна.

И, к ней обращаясь, Гаральд говорит,
С любовью в сияющем взоре:
"Все, что пред тобою цветет и блестит,
И берег, и синее море,

Цветами убранные те корабли,
И грозные замков твердыни,
И людные веси норвежской земли,
И всё, чем владею я ныне,

И слава, добытая в долгой борьбе,
И самый венец мой державный,
И все, чем я бранной обязан судьбе, -
Все то я добыл лишь на вено тебе,
Звезда ты моя, Ярославна!"

2. ТРИ ПОБОИЩА

Ярились под Киевом волны Днепра,
За тучами тучи летели,
Гроза бушевала всю ночь до утра –
Княгиня вскочила с постели,

Вскочила княгиня в испуге от сна,
Волос не заплетши, умылась,
Пришла к Изяславу, от страха бледна:
"Мне, княже, недоброе снилось!"

Мне снилось: от берега норской земли,
Где плещут варяжские волны,
На саксов готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны.

То сват наш Гаральд собирается плыть —
Храни его бог от напасти! —
Мне виделось: воронов черная нить
Уселася с криком на снасти.

И бабище будто на камне сидит,
Считает суда и смеется
"Плывите, плывите! — она говорит, -
Домой ни одно не вернется!"

Гаральда-варяга в Британии ждет
Саксонец-Гаральд, его тезка:
Червонного меду он вам поднесет
И спать вас уложит он жестко!"

И дале мне снилось: у берега там,
У норской у пристани главной,
Сидит, волоса раскидав по плечам,
Золовка сидит Ярославна.

Глядит, как уходят в туман паруса
С Гаральдовой силою ратной,
И плачет, и рвет на себе волоса,
И кличет Гаральда обратно...

Проснулася я и доселе вдали
Все карканье воронов внемлю —
Прошу тебя, княже, скорее пошли
Проведать в ту норскую землю!"

И только княгиня домолвила речь,
Невестка их, Гида, вбежала:
Жемчужная бармица падает с плеч,
Забыла надеть покрывало.

"Князь-батюшка-деверь, испугана я,
Когда бы беды не случилось!
Княгиня-невестушка, лебедь моя,
Мне ночесь недоброе снилось!"

Мне снилось: от берега франкской земли,
Где плещут нормандские волны,
На саксов готовятся плыть корабли,
Нормандии рыцарей полны.

То князь их Вильгельм собирается плыть –
Я будто слова его внемлю, -
Он хочет отца моего погубить,
Присвоить себе его землю!

И бабище злое бодрит его рать,
И молвит: "Я воронов стаю
Прикликаю саксов завтра клевать,
И ветру я вам намахаю!"

И пологом стала махать на суда,
На каждом ветрило надулось,
И двинулась всех кораблей череда –
И тут я в испуге проснулась".

И только лишь Гида домолвила речь,
Бежит, запыхаяся, гриден:
"Бери, государь, поскорее свой меч,
Нам ворог под Киевом виден!

На вышке я там, за рекою, стоял,
Стоял на слуху я, на страже,
Я многие тысячи их насчитал:
То половцы близятся, княже!"

На бой Изяслав созывает сынов,
Он братьев скликает на сечу,
Он трубит к дружине – ему не до снов –
Он половцам едет навстречу.

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вороны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

"Откуда летишь ты? поведай-ка нам!"
"Лечу я от города Йорка!
На битву обоих Гаральдов я там
Смотрел из поднебесья зорко:

Был целою выше варяг головой,
Чернела как туча кольчуга,
Свистел его в саксах топор боевой,

Как в листьях осенняя вьюга;

Копнами валил он тела на тела,
Кровь до моря с поля струилась –
Пока, провизжав, не примчалась стрела
И в горло ему не вонзилась.

Упал он, почуяв предсмертную тьму,
Упал он как пьяный на брашно;
Хотел я спуститься на темя ему,
Но очи глядели так страшно!

И долго над местом кружился я тем,
И поздней дождался я ночи,
И сел я варягу Гаральду на шлем
И выклевал грозные очи!"

По синему морю клубится туман,
Слетается воронов боле:
"Откуда летишь ты?" – "Я, кровию пьян,
Лечу от Гастингского поля!

Не стало у саксов вчера короля,
Лежит меж своих он, убитый,
Пирует норманн, его землю деля,
И мы пировали там сыто!

Победно от Йорка шла сакская рать,
Теперь они смирны и тихи,
И труп их Гаральда не могут сыскать
Меж трупов бродящие мнихи.

Но сметил я место, где наземь он пал,
И битва когда отшумела,
И месяц как щит над побоищем встал,
Я сел на Гаральдово тело;

Недвижные были черты хороши,
Нахмурены гордые брови -
Любуясь на них, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!"

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вороны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

"Откуда летишь ты?" – "Из русской земли!
Я был на пиру в Заднепровье;

Там все Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью!

С рассветом на половцев князь Изяслав
Там выехал, грозен и злобен,
Свой меч двоеручный высоко подъяв,
Святому Георгию подобен;

Но к ночи, руками за гривы держась,
Конем увлекаемый с бою,
Уж по полю мчался израненный князь,
С закинутой навзничь главою;

И, каркая, долго летел я над ним
И ждал, чтоб он наземь свалился,
Но был он, должно быть, судьбою храним
Иль богу, скача, помолился;

Упал лишь над самым Днестром он с коня,
В ладью рыбаки его взяли,
А я полетел, неудачу кляня,
Туда, где другие лежали".

Поют во Софийском соборе попы,
По князе идет панихида,
Рыдает княгиня среди плача толпы,
Рыдает Гаральдовна Гида,

И с ними другого Гаральда вдова
Рыдает, стена, Ярославна,
Рыдает: "О, горе! зачем я жива,
Коль сгинул Гаральд мой державный!"

И Гида рыдает: "О, горе! убит
Отец мой, норманном сраженный!
В плену его веси, и взяты на щит
Саксонские девы и жены!

Княгиня рыдает: "О князь, Изяслав!
В неравном посечен ты споре!
Победы обычной в бою не стяжав,
Погиб ты, о, горе, о, горе!"

Печерские иноки, выстроясь в ряд,
Протяжно поют: аллилуйя!
А братья княжие друг друга корят,
И жадные вороны с кровель глядят,
Усобицу близкую чуют...

3. УШКУЙНИК

Одолела сила-удаль меня, молодца,
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и в сердце тая удаль-то не вместится,
А и сердце-то от удали разорвется!

Пойду к батюшке на удаль горько плакаться,
Пойду к матушке на силу в ноги кланяться:
Отпустите свое детище дробное,
Новгородским-то порядкам неученое,

Отпустите поиграти игры детские:
Те ль обозы биты низовые, купецкие,
Багрить на море кораблики урманские,
Да на Волге жечь остроги басурманские!

4. ЧУЖОЕ ГОРЕ

В лесную чащу богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шеломе, в кольчатой броне
И свистнул беспечно, бочась на коне:
"Какое мне дается горе!"

И едет он рысью, гремя и звеня,
Стучат лишь о корни копыты;
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня!
"Эй, кто за плечами там сел у меня?
Со мной, берегись, не шути ты!"

И щупает он у себя за спиной,
И шарит, с досадой во взоре;
Но немлет ответ: "Я тебе не чужой,
Ты, чай, об усобице слышал княжой,
Везешь Ярослава ты горе!"

"Ну, ври себе! – думает витязь, смеясь, -
Вот подлинно, было бы диво!
Какая твоя с Ярославом-то связь?
В Софийском соборе спит киевский князь,
А горе небось его живо?"

Но дале он едет, гремя и звеня,
С товарищем боле не споря;
Вдруг снова к нему кто-то прыг на коня
И на ухо шепчет: "Вези ж и меня,
Я, витязь, татарское горе!"

"Ну, видно, не в добрый я выехал час!
Вишь, притча какая бывает!"

Что шишек еловых здесь падает вас!"
Так думает витязь, главою склонясь,
А конь уже шагом шагает.

Но вот и ступать уж ему тяжело,
И стал спотыкаться он вскоре,
А тут кто-то сызнова прыг на седло!
"Какого там черта еще принесло?"
"Ивана Васильича горе!"

"Долой вас! И места уж нет за седлом!
Плеча мне совсем отдавило!"
"Нет, витязь, уж сели, долой не сойдём!"
И едут они на коне вчетвером,
И ломится конская сила.

"Эх, - думает витязь, - мне б из лесу вон
Да в поле скакать на просторе!
И как я без боя попался в полон?
Чужое, вишь, горе тащить осужден,
Чужое, прошедшее горе!"

5. ГОСУДАРЬ

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле варить?
- Кашицу, матушку, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А где ты изволил крупы достать?
- За морем, матушка, за морем,
За морем, сударыня, за морем!

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Нешто своей крупы не было?
- Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А чем ты изволишь мешать ее?
- Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,

А ведь каша-то выйдет крутенька?
- Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет солона?
- Солона, матушка, солона,
Солона, сударыня, солона!

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А кто ж будет ее расхлебывать?
- Детушки, матушка, детушки,
Детушки, сударыня, детушки!

6. ПАНТЕЛЕЙ-ЦЕЛИТЕЛЬ

Пантелей-государь ходит по полю,
И цветов и травы ему по пояс,
И все травы пред ним расступаются,
И цветы все ему поклоняются.
И он знает их силы сокрытые,
Все благие и все ядовитые,
И всем добрым он травам невредным,
Отвечает поклоном приветным,
А которы растут виноватые,
Тем он палкой грозит суковатою.

По листочку с благих собирает он,
И мешок ими свой наполняет он,
И на хворую братию бедную
Из них зелие варит целебное.

Государь Пантелей!
Ты и нас пожалей,
Свой чудесный елей
В наши раны излей,

В наши многие раны сердечные;
Есть меж нами душою увечные,
Есть и разумом тяжко болящие,
Есть глухие, немые, незрящие,
Опоенные злыми отравами, -
Помоги им своими ты травами!

А еще, государь, -
Чего не было встарь –
И такие меж нас попадают,
Что лечением всяким гнушаются.
Они звона не терпят гуслирного,

Подавай им товара базарного!

Всё, чего им не взвесить, не смеряти,
Всё, кричат они, надо похерити;
Только то, говорят, и действительно,
Что для нашего тела чувствительно;
И приёмы у них дубоватые,
И ученье-то их грязноватое,
 И на этих людей,
 Государь Пантелей,
 Палки ты не жалеи,
 Суковатя!

7. ПРАВДА

Ах ты гой еси, правда-матушка!
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднебесья
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лесами дремучими!
Не объехать кругом тебя во сто лет,
Посмотреть на тебя – шапка валится!

Выезжало семеро братьев,
Семеро выезжало добрых молодцев,
Посмотреть выезжали молодцы,
Какова она, правда, на свете живет?
А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.

Поскакали добры молодцы,
Все семеро братьев удалых,
И подъехали к правде со семи концов,
И увидели правду со семи сторон.

Посмотрели добры молодцы,
Покачали головами удалыми
И вернулись на свою родину,
А вернувшись на родину,
Всяк рассказывал правду по-своему:
Кто горой называл ее высокою,
Кто городом людным торговым,
Кто морем, кто лесом, кто степию.

И поспорили братья промеж собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти,

И, рубясь, корились, ругались,
И брат брата звал обманщиком.
Наконец полегли до единого
Все семеро братьев удалых;
Умирая ж, каждый сыну наказывал,
Рубиться наказывал до смерти,
Полегли за правду за истину;
То ж и сын сыну наказывал,
И доселе их внуки рубятся,
Все рубятся за правду за истину,
На великое себе разорение.

А сказана притча не в осуждение,
Не в укор сказана – в поучение,
Людям добрым в уразумение.

8. ПОТОК-БОГАТЫРЬ

Зачинается песня от древних затей
От весёлых пиров и обедов,
И от русых от кос, и от черных кудрей,
И от тех ли от ласковых дедов,
Что с потехой охотно мешали дела;
От их времени песня теперь повела,
От того ль старорусского краю,
А чем кончится песня – не знаю.

У Владимира Солнышка праздник идет,
Пированье идет, ликованье,
С молодницами гридни ведут хоровод,
Гуслей звон и кимвалов бряцанье.
Молодицы что светлые звезды горят,
И под топот подошв, и под песенный лад,
Изгибаяся ходят красиво,
Молодцы выступают на диво.

Но Поток-богатырь всех других превзошел:
Взглянет – искрами словно обмечет;
Повернется направо – что сизый орел,
Повернется налево – что кречет;
Подвигается мерно и взад, и вперед,
То притопнет ногою, то шапкой махнет,
То вдруг станет, тряхнувши кудрями,
Пожимает на месте плечами.

И дивится Владимир на стройную статью,
И дивится на светлое око:
"Никому, - говорит, - на Руси не плясать
Супротив молодого Потока!"
Но уж поздно, встает со княгиней князь,

На три стороны в пояс гостям поклонясь,
 Всем желает довольным остаться –
 Это значит: пора расставаться.

И с поклонами гости уходят домой,
 И Владимир княгиню уводит,
Лишь один остается Поток молодой,
 Подбочася, по-прежнему ходит,
То притопнет ногою, то шапкой махнет,
Не заметил он, как отошел хоровод,
 Не слышал он Владимира ласку,
 Продолжает по-прежнему пляску.

Вот уж месяц из-за лесу кажет рога,
 И туманом подернулись балки,
Вот и в ступе поехала баба-яга,
 И в Днепре заплескались русалки,
В Заднепровье послышался лешего вой,
По конюшням дозором пошел домовой,
 На трубе ведьма пологом машет,
 А Поток себе пляшет да пляшет.

Сквозь царьградские окна в хоромную сень
 Смотрят светлые звезды, дивясь,
Как по белым стенам богатырская тень
 Ходит взад и вперед, подбочася.
Перед самой зарей утомился Поток,
Под собой уже резвых не чувствует ног,
 На мостицы как сноп упадает,
 На полтысячи лет засыпает.

Много снов ему снится в полтысячи лет:
 Видит славные схватки и сечи,
Красных девиц внимает радушный привет
 И с боярами судит на вече;
Или видит Владимира вежливый двор,
За ковшами веселый ведет разговор,
 Иль на ловле со князем гуторит,
 Иль в совете настойчиво спорит.

Пробудился Поток на Москве на реке,
 Пред собой видит терем дубовый;
Под узорным окном, в закутном цветнике,
 Распускается розан махровый;
Полюбился Поток красивому цветку,
И понюхать его норовится Поток,
 Как в окне показалась царевна,
 На Потока обрушилась гневно:

"Шеромыжник, болван, неученый холоп!
Чтоб тебя в турий рог искривило!
Поросенок, теленок, свинья, эфиоп,
Чёртов сын, неумытое рыло!
Кабы только не этот мой девичий стыд,
Что иного словца мне сказать не велит,
Я тебя, прощельгу, нахала,
И не так бы еще обругала"!

Испугался Поток, не на шутку струхнул:
"Поскорей унести бы мне ноги!"
Вдруг гремят тулумбасы; идет караул,
Гонит палками встречных с дороги;
Едет царь на коне, в зипуне из парчи,
А кругом с топорами идут палачи, -
Его милость собираются тешить,
Там кого-то рубить или вешать.

И во гневе за меч ухватился Поток:
"Что за хан на Руси своеволит?"
Но вдруг слышит слова: "То земной едет бог,
То отец наш казнить нас изволит!"
И на улице, сколько там было толпы,
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи –
Все пред ним повалились на брюхи.

Удивляется притче Поток молодой:
"Если князь он иль царь напоследок,
Что ж метут они землю пред ним бородой?
Мы честили князей, но не эдак!
Да и полно, уж вправду ли я на Руси?
От земного нас бога господь упаси!
Нам Писанием велено строго
Признавать лишь небесного бога!"

И пытается у встречного он молодца:
"Где здесь, дядя, собирается вече?"
Но на том от испугу не видно лица:
"Чур меня, - говорит, - человеche!"
И пустился бежать от Потока бегом:
У того ж голова заходила кругом,
Он на землю как сноп упадает,
Лет на триста еще засыпает.

Пробудился Поток на другой на реке,
На какой? не припомнит преданье.
Погуляв себе взад и вперед в холодке,
Входит он во просторное зданье.

Видит: судьи сидят, и торжественно тут
Над преступником гласный свершается суд.
Несомненны и тяжки улики,
Преступленья ж довольно велики:

Он отца отравил, пару теток убил,
Взял подлогом чужое имя
Да двух братьев и трех дочерей задушил –
Ожидают присяжных решенья.
И присяжные входят с довольным лицом:
"Хоть убил, - говорят, - не виновен ни в чём!"
Тут платками им слева и справа
Машут барыни с криками: браво!

И промолвил Поток: "Со присяжными суд
Был обычен и нашему миру,
Но когда бы такой подвернулся нам шут,
В триста кун заплатил бы он виру!"
А соседи, косясь на него, говорят:
"Вишь, какой затесался сюда ретроград!
Отсталой он, то видно по платью,
Притеснять хочет меньшую братью!"

Но Поток из их слов ничего не поймет,
И в другое он здание входит;
Там какой-то аптекарь, не то патриот,
Пред толпою ученье проводит:
Что, мол, нету души, а одна только плоть
И что если и впрямь существует господь,
То он только есть вид кислорода,
Вся же суть в безначалье народа.

И, увидя Потока, к нему свысока
Патриот обратился сурово:
"Говори, уважаешь ли ты мужика?"
Но Поток вопрошает: "Какого?"
"Мужика вообще, что смиреньем велик!"
Но Поток говорит: "Есть мужик и мужик:
Если он не пропьет урожаяю,
Я тогда мужика уважаю!"

"Феодал! – закричал на него патриот, -
Знай, что только в народе спасенье!"
Но Поток говорит: "Я ведь тоже народ,
Так за что ж для меня исключенье?"
Но к нему патриот: "Ты народ, да не тот!
Править Русью призван только черный народ!
То по старой системе всяк равен,
А по нашей лишь он полноправен!"

Тут все подняли крик, словно дернул их бес,
Угрожают Поток беду.
Слышно: почва, гуманность, коммуна, прогресс.
И что кто-то заеден средою.
Меж собой вперерыв, наподобье галчат,
Все об общем каком-то о деле кричат,
И потока с язвительным тоном
Называют остзейским бароном.

И подумал Поток: "Уж, господь борони
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они
Обожали московского хана,
А сегодня велят мужика обожать!
Мне сдается, такая потребность лежать
То пред тем, то пред этим на брюхе
На вчерашнем основана духе!"

В третий входит он дом, и объял его страх:
Видит, в длинной палате вонючей,
Все острижены вокруг, в сюртуках и в очках,
Собрались красавицы кучей.
Про какие-то женские споря права,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое общее дело:
Потрошат чьё-то мёртвое тело.

Ужаснулся Поток, от красавиц бежит,
А они восклицают ехидно:
"Ах, какой он пошляк! ах, как он неразвит!
Современности вовсе не видно!"
Но Поток говорит, очутясь на дворе:
"То ж бывало у нас и на Лысой Горе,
Только ведьмы хоть голы и босы,
Но, по крайности, есть у них косы!"

И что видеть, и слышать ему довелось:
И тот суд, и о боге ученье,
И в сиянье мужик, и девицы без кос –
Всё приводит его к заключению:
"Много разных бывает на свете чудес!
Я не знаю, что значит какой-то прогресс,
Но до здравого русского веча
Вам ещё, государи, далече!"

И так сделалось гадко и тошно ему,
Что он наземь как сноп упадает,
И под слово прогресс, как в чаду и дыму,

Лет на двести еще засыпает.
Пробужденья его мы теперь подождем;
Что, проснувшись, увидит, о том и споем,
А покудова он не проспится,
Наудачу нам петь не годится.